

Илана Гур Фото: Dafna Bessik

Илана Гур, скульптор и дизайнер с мировым именем, рассказала «Шарму» о знакомстве с Бен-Гурионом и Голдой, поделилась воспоминаниями об одесских родственниках. Накануне 80-летнего юбилея самая эпатажная женщина в искусстве Израиля приняла корреспондента «Шарма» в личных апартаментах знаменитого музея в Старом Яффо

Ценности Иланы Гур

В мире лишь единицы таких домов, как Музей Иланы Гур в Старом Яффо. Здесь мастер не только выставляет свои работы и коллекцию предметов искусства, но и живет. Изнутри музей напоминает дом Сальвадора Дали в испанском Кадакесе. То же эклектичное собрание картин, скульптур и мебели собственного изготовления, то же синее море в оконных проемах.

По первому этажу музея ходят люди, слышны разговоры на разных языках. Лифт уносит меня на второй этаж. Там уже ждет хозяйка - Илана Гур, величественная седая женщина в белой рубашке, свободных серых брюках и массивных золотых кольцах на натруженных руках. Часы показывают ровно 10.00.

- Для меня это середина дня. В шесть утра я уже была в мастерской и работала, - произносит Илана, наливая нам обеим воды.

Кухня находится здесь же, в ком-

нате с видом на море. Над столешницей висит множество медных сковород и самоваров, и я вспоминаю знаменитый афоризм Иланы: «Один самовар - это просто самовар, много - уже дизайн».

Илана Гур родилась в 1936 году в Твери в интеллигентной еврейской семье. Ее дед Иосиф Сапир был врачом и скульптором-любителем. В тридцатых годах он возглавил иерусалимскую академию художеств «Бецалель» после смерти ее основателя Бориса Шаца. Са-

ма Илана проучилась в «Бецалеле» только год. Отсутствие формального образования не помешало ей сделать блестящую карьеру. Она скульптор и дизайнер украшений, мебели, предметов интерьера. Ее работы выставлены в музеях Нью-Йорка, Парижа, Вены. Мебель от Гур украшает официальную резиденцию премьер-министра Израиля, скульптура «Никогда больше» установлена в «Яд ва-Шем». Она коллекционер и покровитель художников, среди ее друзей - баронесса Ариан де Ротшильд и ведущие политики мира.

- А откуда родом ваша семья? - начинаю я нашу беседу.

- Мамины родные происходили из известной в России медицинской династии. Мой прадед был автором учебника для врачей. Дед, Иосиф Беркович Сапир, выпускник Венского университета, имел врачебную практику в Одессе. Бабушка Матильда Сапир была блестящей пианисткой, выступала перед царем. Свою дочь они отправили учиться медицине в Швейцарию, так что моя мама тоже стала врачом...

В их одесском доме много говорили о сионизме. Иосиф Сапир был активистом движения «Ховевей-Цион», издавал еврейскую газету. Он прославился очерком о сионизме, который перевели на все европейские языки. В годы Гражданской войны дед возглавил комитет помощи пострадавшим от погромов. Страдания евреев укрепили его в мысли, что народ спа-

сется только в своем государстве. В 1925 году дед оставил налаженную жизнь в Одессе и эмигрировал в Палестину, чуть позже к нему присоединилась остальная семья.

Дедушка стал главврачом в родильном отделении иерусалимской больницы «Бикур-холим». Несмотря на занятость, находил время делать скульптуры из гипса, это было его хобби. Благодаря ему он и встал во главе «Бецалеля». У работ деду была грустная судьба. Один родственник, дядя Боря, собрал все фигурки в надежде однажды создать музей Сапира. После смерти дяди Бори его жена, женщина властная и завистливая, перенесла скульптуры в сарай, где гипсовые работы разрушались от жары и влаги. Там я и нашла их. Вывезла, два года реставрировала, а потом отлила в бронзе. Сейчас эти скульптуры вместе с семейными фотографиями и фамильными вещами выставлены в моем музее.

- Как устроилась на новой родине ваша мама?

- Мама была утонченной и образованной женщиной. Она полюбила венгерского еврея, вышла за него замуж. Иврит родителям давался тяжело. Дома они говорили на немецком, которым оба владели.

Когда в гости приходили мамыны друзья, эмигранты из России, мама переходила на русский.

Мы жили в Твери. В тридцатых годах это был красивый курортный город. Зимой сюда приезжали со всего мира принимать грязевые ванны. У нас был элегантный дом в стиле баухауз, с большой библиотекой, персидскими коврами. Все знаменитые и богатые курортники навещали нас. В доме звучала классическая музыка, велись интересные беседы. Когда мне исполнилось 12 лет, мама неожиданно умерла. Отца так потрясла ее внезапная смерть, что он порвал отношения с семьей и оставил нас с братом на попечении деду.

- Вы росли с ощущением сиротства?

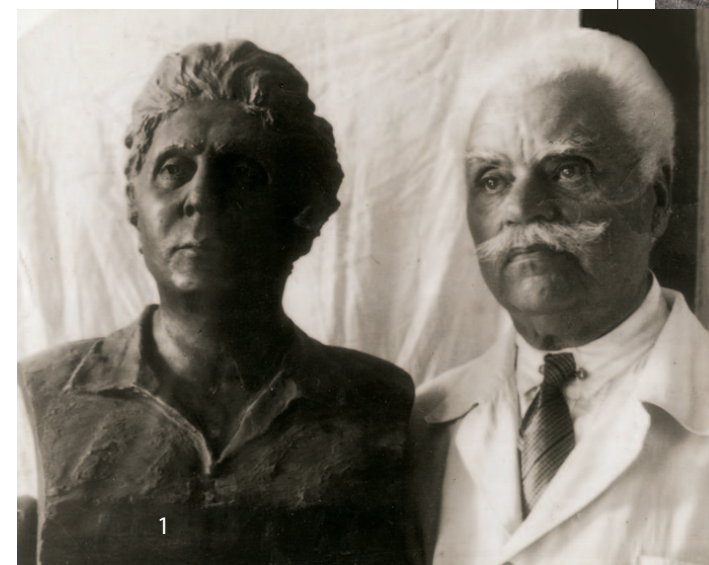
- Странное дело, я никогда не страдала от одиночества. У меня был какой-то врожденный дар преобразовать все, что попадало в руки. Лет с трех я постоянно что-то мастерила, лепила, чинила... После маминой смерти я нашла утешение в этом занятии. Мои сверстники ходили друг к другу в гости, а я сидела дома, возилась со своими поделками, и мне не было скучно...

Кстати, пока мама была жива, она часто ездила в Швейцарию и привозила разные нужные вещи для дома, в Палестине их тогда купить было невозможно. Так вот, мама ни разу не привезла мне подарок, а я и не тужила, потому что делала подарки своими руками. Я и сейчас так живу: ни минуты не сижу без дела и сама мастерю себе подарки. Вот, видите два новых кольца? Недавно сделала.

- А почему вы не доучились в «Бецалеле»?

2

1

3

1. Дедушка Иланы доктор Иосиф Беркович (Борисович) Сапир

2. Илана с матерью Рахель Раей Сапир, 40-е годы

3. Илана и ее брат Дани Гур в Твери на озере Кинерет

В Музее Иланы Гур в Старом Яффо

Я отремонтировала дом. Перевезла сюда некоторые работы, а потом собрание так разрослось, что появилась мысль показать его публике. В 1995 году я открыла в этом доме музей

- Стало скучно. Лекции казались пустой тратой времени. Хотелось занять руки, двигаться... Я тогда много занималась спортом, была чемпионкой по плаванию. Встретила американского парня, еврея, и мы безумно полюбили друг друга. В двадцать лет я вышла замуж за Ленни и уехала в Америку.

- Как он относился к вашим художественным занятиям?

- Сначала недоумевал, почему в комнате нужно разводить грязь, возиться с глиной... А однажды мы с Ленни зашли в нью-йоркский универмаг «Bloomingdale's». На нас обоих были ремни с самодельными пряжками. К нам подошел менеджер и спросил: «Простите, мэ, где вы купили такие оригинальные ремни?» Я ответила: «Сделала сама». - «О, неужели? Вы делаете пряжки на заказ?» - «Нет, только в подарок друзьям». Менеджер помолчал, а потом поинтересовался, сколько времени понадобится на разработку коллекции из десяти пряжек. Услышав, что неделю, он просил. Так в 1982 году я стала дизайнером ремней для «Bloomingdale's» и остаюсь им до сих пор. Мои пряжки имели оглушительный успех. Вслед за ними появился интерес к моим украшениям и скульптуре, их начали по-

купать музеи и частные лица. Ленни тоже изменил отношение к моему занятию, и теперь он первый ценитель и поклонник моих работ.

- Вы знали многих знаменитых людей, от Бен-Гуриона до Клинтона. Кто произвел на вас наибольшее впечатление?

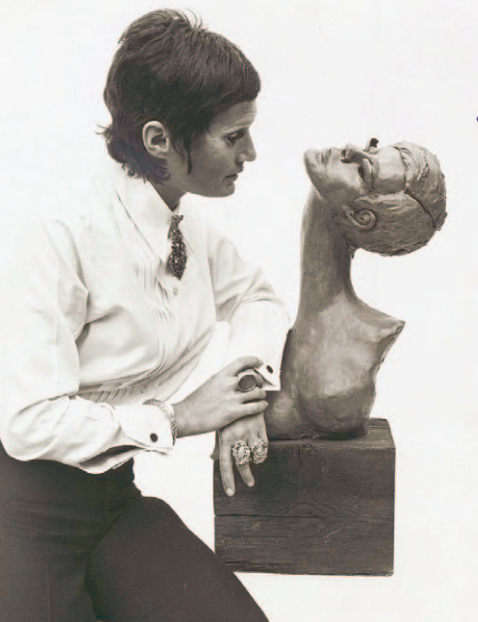
- Бен-Гурион. Он был крупной личностью и удивительным человеком, таким прямолинейным идеалистом... Первый раз я увидела Бен-Гуриона, когда была ребенком, он навещал моих родителей в Тверии. Спустя много лет мы с отцом ездили к нему в Сде-Бокер после отставки. Никто не сделал для Израиля больше Бен-Гуриона, и мало кто так страдал в последние годы жизни. Так же тяжело закончилась жизнь другого идеалиста - мэра Иерусалима Тедди Колека. Я восхищалась им, он был выдающимся мэром. Тедди умер в нищете, не имея ни гроша за душой. В его комнате в доме престарелых даже не было окна, выходящего на любимый город.

Когда я смотрю на нынешних политиков, которых заботят только власть и деньги, я вспоминаю этих бескорыстных людей...

А вот Голда вызывала у меня противоречивые чувства. Среди нас, уроженцев Эрец-Исраэль, Голда

считалась американкой. Говорили, что она плохо понимает эту страну и недооценивает важность мира с арабами. Мы же росли среди них. В детстве у меня была няня-арабка, много лет я отливала свои скульптуры в арабских мастерских. А когда в семидесятых решила купить летний дом в Израиле, то специально выбрала Старый Яффо, где сплелась наша совместная история.

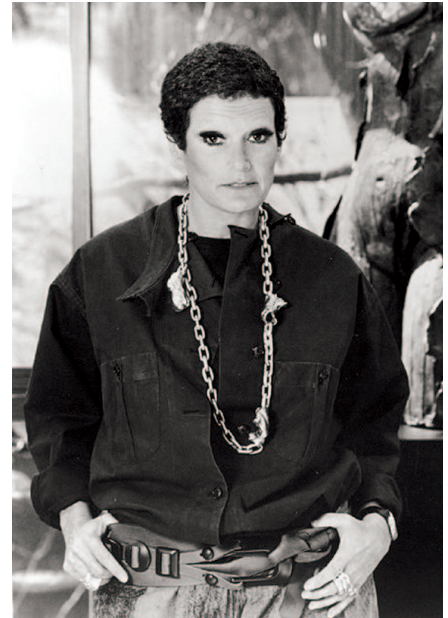
В XVIII веке в здании, где мы сейчас беседуем, был дом для еврейских паломников, первый на Святой земле. Сто лет спустя его купила арабская семья, которая зарабатывала на жизнь варкой мыла из оливкового масла. Я сразу полюбила этот дом. Он стоял полуразрушенным, но из него открывался изумительный вид на море. Я отремонтировала его и использовала как дачу. Перевезла сюда некоторые работы, держала здесь коллекцию израильских скульптур и вещей из Африки. А потом собрание так разрослось, что появилась мысль показать его публике. В 1995 году я открыла в этом доме музей. С тех пор здесь побывали тысячи людей со всего мира. Приезжает много русских групп, проводятся экскурсии на русском языке, а еще

Илана Гур и ее скульптурный автопортрет, 70-е годы

Работа над скульптурой, 70-е годы

Илана в мастерской, 70-е годы

мы устраиваем здесь творческие вечера и концерты для русскоязычной публики.

- Посетители не мешают вам?

- Днем я редко бываю дома. Рано утром уезжаю в мастерскую, а возвращаюсь к вечеру, когда поток гостей уже иссякает. Правда, гости интересуются у сотрудниц музея, удастся ли им увидеть Илану Гур.

В отличие от других домов-музеев, мой музей живой. Я регулярно обхожу его, что-то убираю в запасники, что-то добавляю. Переставляю вещи... Если вы заглянете сюда через месяц, то заметите, что экспозиция чуть-чуть поменялась.

- Вы прожили много лет в Америке, да и сейчас основной ваш дом там. Кем вы чувствуете себя - израильянкой, американкой?

- Мои корни, конечно, в этой земле. Свою миссию я вижу в том, чтобы научить израильтян ценить красоту. В последние годы я с грустью смотрю на происходящее в Израиле. Власти не умеют распорядиться красотой страны. Возьмите хотя бы Старый Яффо. Этому месту пять тысяч лет, здесь невероятной красоты ландшафт, но что сделало государство, чтобы облагородить его и привлечь сюда туристов? А вкусы публики?! Сейчас в Израиле больше богатых людей, чем раньше, но стало ли больше красоты? Все стремятся обставить свои до-

ма одинаковой мебелью, боятся, как бы не было хуже, чем у соседей. Я сама никогда не боялась быть собой. Покупала вещи, которые казались мне красивыми, и носила то, что хотела.

- Я изучила много ваших фотографий и заметила, что в молодости вы одевались ярко, а потом стали носить только простые белые рубашки. В чем причина?

- Во-первых, с ними лучше смотрятся мои крупные украшения. А во-вторых, я не считаю нужным поражать окружающих одеждой. Я надеваю белую рубашку на обед с семьей и такую же надену на прием к баронессе Ротшильд. И поверьте, произведу на нее большее впечатление, чем гости в кутюрных платьях до пола, столь неуместных в израильской действительности. Только не надо думать, что я ношу что попало. Я покупаю одежду хоть и простую, но качественную.

- В июле вам исполняется семьдесят лет. Изменилось ли в вас что-то с возрастом?

- Только то, над чем я не властна: здоровье. Я перенесла операцию на глазах. У меня сильно болели колени. Бедные, они столько вынесли за эти годы - я ведь и тяжести сама таскала, и работала стоя по двенадцать-четырнадцать часов. При-

шло лечить их, и теперь колени у меня железные (*улыбается*). Кроме этого, в моей жизни ничего не изменилось. Я так же встаю с рассветом, так же много работаю. Так же, как в молодости, рассчитываю только на себя.

- Продолжаете ли вы чувствовать себя женственной?

- Ничто женское мне не чуждо. В молодости меня считали красавицей, но я никогда не пользовалась этим для продвижения в карьере. Да и интересы мои всегда лежали в иной плоскости - в творчестве. Знаете, каково это - брать в руки бесформенный кусок глины и превращать его в произведение искусства? Я не знаю наслаждения, которое сравнимо с этим.

- Что для вас дороже всего в жизни?

- Время. Я всегда ценила его, поэтому так много успела сделать. А сейчас понимаю, что это и есть главная драгоценность. Ею владеет каждый, и только от нас зависит, как мы ею распорядимся.

Евгения ЛАМИХОВА

Фото из личного архива И. Гур